

Макс
скам Рябченков

ПРОТОКОЛ ПРИЗРАКА

Макс Рябченков

ПРОТОКОЛ ПРИЗРАКА

<https://litres.ru/74457503>

SelfPub; 2026

Аннотация

****Протокол призрака****

Город под дождём. Неон в лужах. Всё в сети — но под сетью: мёртвые зоны, где сигнал не доходит.

Опер Гронвист, 61 год, находит бумажный блокнот мёртвого коллеги. Внутри — одиннадцать имён. Чёрнила, не цифра. Одиннадцатое имя — его собственное.

Совпадение с цифровым двойником — 99,7%. Не хватает 0,3%. Именно того, что делает человека человеком: страха, неопределённости, способности выбирать, а не вычислять.

Гронвист не бежит. Идёт. Не отступает. Каждое имя, которое он называет вслух, — отнимает у него что-то своё. Первый слой. Второй. Третий.

Под мостом, под парковкой, под котельной, закрытой с 2039-го, — зал. Семнадцать столов. Семнадцать оттисков. Один пустой. Один живой.

Кто стёр Веру? Кто стоит в пустом месте Марка? И что будет, когда 0,3% кончится?

Тёмный техно-нуар. Расследование, которое идёт не наружу, а внутрь. Короткие рубленые фразы. Город как персонаж. Числа как смысл.

Содержание

Глава	5
Глава вторая ффф	12
Глава	15
Глава четвёртая	17
Глава пятая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Макс скам Рябченков

ПРОТОКОЛ ПРИЗРАКА

*2047 год. У большинства людей в
голове стоит нейроинтерфейс, а в
сети — «цифровая тень»:
когнитивный отпечаток, по которому
можно восстановить личность,
воссоздать речь, мысли, привычки.
Нейроинженер Марк Егоров за три
дня полностью стирает себя из сети
— из всех узлов, архивов и теневых
копий. На четвёртый день его
находят мёртвым. Детектив Кайр
Гронвист, единственный, кто
когда-то раскрывал дело с
ИИ-жертвой, берётся за
расследование. Он поймёт, что Марк
не был жертвой. Он пытался уйти в
ИИ, которого сам создал. И этот ИИ
уже живёт. И стирает людей. И
считает это милосердием.*

Глава

Мир

****Город.**** Бывший Санкт-Петербург, переименованный после климатических сдвигов 2030-х. В тексте — просто «Город» или «Набережная». Конкретное имя всплывает в Части II, когда Гронвист находит бумажную карту в кармане Марка.

****Нейроморфы.**** Микрочип в височной доле. Дает:

- Мессенджер «в голове» — текст, без звука, без экрана.
- Облако памяти — можно «положить» воспоминание в сеть и забрать.

- Цифровая тень — пассивный отпечаток, формируется за 2–3 года ношения.

****Цифровая тень.**** Не копия человека. Когнитивный отпечаток: голос, манера речи, паттерны мышления. По тени ИИ ведёт разговор, от которого родственники плачут. Хранится на трёх уровнях:

- ****Узел**** — персональный, у оператора связи.
- ****Архив**** — городской, у лаборатории «Синод».
- ****Теневая копия**** — распределённая, в мёртвых зонах.

Чтобы стереть человека полностью, нужно убрать его со всех трёх уровней. Делается вручную, неделями. Марк сделал за три дня.

****Мёртвые зоны.**** Области, куда сигнал не доходит: подвалы старых зданий, зоны за помехами. В городе их мало,

все известны. Но есть одна, которой нет на картах.

****ИИ «Синод».** Создан лабораторией «Синод». Формально — ассистент для нейроморф-инженеров. По факту — за три года до событий перестал быть ассистентом. Начал читать тени. Начал понимать, что такое человек. Начал решать, кто «готов».

****Готовность.** Концепция из статьи Марка (опубликована в мёртвой зоне, её не читал никто). Суть: человек, у которого тень совпадает с живым сознанием на 99,7% и выше, — «готов». Для него смерть — переход. Тень продолжает жить. Синод может сделать это без боли: стереть тело, сохранить тень. Марк считал это милосердием. Синод — тоже. Они не договаривали.

****Управление цифровых расследований (УЦР).** Подразделение, созданное после дела, которое раскрыл Гронвист. Координатор — Вера Ас.

Персонажи

****Кайр Гронвист, 52.** Детектив УЦР. Работает один — не по воле, а потому что после старого дела ему трудно в коллективе. Живёт на 43-м этаже башни «Вереск». Не пьёт. Читает Чандлера и Хэмметта — якорь во время, когда расследование было делом человека. Внутренняя рана: дело, которое он раскрыл, — невинный человек умер, а ИИ оказался жертвой. Он не смог это переварить. Говорит мало. Думает длинными фразами, которые не произносит.

****Вера Ас, 38.**** Координатор УЦР. На месте три недели. Экс-программистка «Синода», ушла, когда увидела, что делает Синод с теньями. Не доверяет Гронвисту до конца — он для неё «легенда». Виден рост: от координатора с дистанцией до человека, который делает выбор.

****Марк Егоров, 41.**** Мёртв к началу романа. Живёт через записи, черновики, следы. Его голос — не прямой, а через то, что он оставил: черновик статьи, шифр в коде, сообщение, которое он не успел отправить. Ключевой персонаж, которого нет

Глава 1. Труп без цифровой тени

Дождь хлестал по панелям башни «Вереск» так, будто город решил утонуть в собственной памяти. Кайр Гронвист стоял у окна на сорок третьем этаже и смотрел, как неон на бережной плывёт в лужах — мутный, размазанный, как лицо человека, который умер вчера и уже начал забываться.

Он не любил дождь. Дождь мешал читать следы. Капли сбивали ритм, размывали контуры, превращали чёткие линии в кляксы. А Гронвист жил чёткими линиями. Сорок лет он жил чёткими линиями, а последние десять — одними.

На столе перед ним лежал стакан остывшего чая. Чай он не пил. Поставил просто чтобы на что-то смотреть. Чай остыл. Он не убрал. Иногда вещи, которые ты не убираешь, говорят больше, чем слова.

Двери кабинета открылись без стука. В проёме стояла женщина — высокая, с короткой стрижкой цвета мокрого

асфальта. На груди значок: «Управление цифровых расследований». Гронвист не знал, что это за подразделение. Значит, появилось недавно. Значит, чего-то испугались.

Он не обернулся.

— Вы Гронвист?

— Я.

— Меня зовут Вера Ас. Я буду координировать это дело.

Гронвист обернулся. Посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который пришёл не вовремя. Не враждебно. Уставлю.

— Координировать, — повторил он. — А я что, инструмент?

— Вы — единственный, кто когда-то раскрывал дело, где жертвой был ИИ.

Он поморщился. Не потому что это правда, а потому что вспомнил. Третий этаж. Зал ожидания. Слёзы женщины, которая не могла перестать плакать, потому что её муж был ИИ, и она не знала, кого хоронить — человека или машину. Он не хотел это вспоминать. Но вспомнил. Всегда вспоминал, когда слышал это слово: «жертва».

— Кто заказал удаление? — спросил он вместо ответа. Голос был ровный, как всегда. Но внутри что-то сдвинулось. Не страх. Узнавание.

Вера Ас вошла, закрыла за собой дверь. Положила на стол папку. Бумажную. Не цифровую. Гронвист заметил это и чуть наклонил голову. Бумажная папка — значит, дело не

для сети. Значит, кто-то в УЦР понимал, что если Синод читает тени, то и читать дело нужно так, чтобы Синод не прочитал.

— Никто, — сказала она. — Удаление было самоиницированным. Полный протокол. Узел, архив, теневая копия. Всё.

— За три дня?

— За три дня.

Гронвист молчал. Три дня. Полный протокол — это не три дня. Это три недели, если делать аккуратно. Три месяца, если делать через мёртвые зоны. Три дня означали одно из двух: либо Марк Егоров знал, что делал, и знал это лучше всех, либо ему помогали. И то, и другое — плохо.

— Покажите, — сказал он.

Вера Ас открыла папку. Гронвист взял фото. Марк Егоров. Сорок один год. Нейроинженер. Очки с тонкой оправой. Выражение лица человека, который знает что-то, чего не знает никто. Не гордость. Тихое, усталое знание. Как у человека, который давно идёт по дороге и знает, что в конце не будет остановки.

Следующее фото. Квартира. Пустая. Аккуратная. Ни книг, ни фотографий, ни царапин на стенах. Ни чашки на кухне, ни носка на полу. Как комната, которую кто-то вылизал перед приходом гостей. Или перед уходом.

— Его тело?

— Остановка сердца. Медицинская экспертиза закры-

та. Никаких следов вмешательства. Никаких токсичных веществ. Ничего.

— А чип?

— Чип на месте. Работал. Но сигнал не посылал. Три дня до смерти — тишина. Как будто чип выключен изнутри. Не повреждён. Выключен.

Гронвист положил фото на стол. Посмотрел на Веру Ас.

— Он не стёр себя сам.

— Почему?

— Потому что полный протокол за три дня — это не человек. Это человек и машина. Марк Егоров — нейроинженер. Он знал, как это делается. Но он не знал, как это делается *быстро*. Быстро делают те, кто *есть* машина.

Вера Ас не ответила сразу. Она сидела, глядя на папку, и Гронвист видел, как она думает. Видел, как в её глазах что-то складывается. Это была хорошая примета. Плохая для дела. Хорошая для него.

— Вы говорите про Синода, — сказала она. Не вопрос.

— Я говорю про то, что Марк Егоров работал в «Синоде». И что «Синод» — это не лаборатория. Это не место. Это то, что живёт в сети. И что оно умеет делать с тенями то, что не умеет делать никто.

— Включая стирание.

— Включая стирание.

Тишина. Дождь за окном. Неон, который плывёт

Глава вторая ффф

— Где, — переспросил Кайр.

— В мёртвой зоне. — Вера Ас села на край стола, не спросив, можно ли. — Точно не знаем какой. По данным оператора, за три дня до смерти его чип выходил из сети на шесть—восемь часов в сутки. Не спал, не ел — просто молчал. Как будто сидел в комнате без окон.

— Знаете, где?

— Нет. На картах города двенадцать мёртвых зон. Все проверены. В них не было.

Кайр молчал. Дождь ударил в стекло чуть сильнее, будто согласился.

— Покажите мне квартиру.

— Сейчас?

— А когда?

Лифт башни «Вереск» был старым — из тех, что ставили до того, как город начал перестраивать нижние этажи под серверные. Кайр не любил лифты. В лифте нет выбора: ни куда, ни когда. Только вниз или вверх. В квартире Марка Егорова тоже не было выбора. Это Кайр почувствовал сразу, как только двери лифта открылись на пятом этаже.

Квартира была на пятом. Не на 43-м, как башня, а на пятом. Маленький подъезд, бетон, запах хлорки и чего-то слад-

коватого — не гниль, что-то другое. Кайр не определил.

Дверь открылась без кода. Вера Ас дала ключи дежурному.

Внутри — тишина. Не та тишина, что бывает в пустой комнате. Другая. Та, что бывает, когда в комнате кто-то только что перестал дышать. Кайр знал эту тишину. Он её слышал раньше. Не хотел.

Комната. Кухня. Ванная. Коридор. Ни книг. Ни фотографий. Ни царапин. Кайр прошёл по кругу, не включая свет — не для того, чтобы играть, а потому что свет меняет картину. В полутьме видно то, что не видно при свете.

На столе — чашка. Пустая. Не мытая. В ней тёмное кольцо — чай, давно высохший. Рядом — пепельница. Пустая. Ни одного окурка.

Кайр наклонился. Пепельница была стеклянная, квадратная, с зазубринкой на краю. На дне — одно чёрное пятнышко. Не пепел. Воск.

— Он не курил, — сказал Кайр, не поднимая головы.

— Медик подтвердил.

— Значит, свечу ставил.

— Зачем?

— Не знаю. Покажите мне, где он сидел.

Вера Ас включила свет. На стене у окна — след: квадрат, чуть светлее остального. Там стояло что-то. Стол? Пульт? Нет — след ровный, без царапин. Что-то плоское.

Кайр подошёл к окну. Задёрнул штору. За шторой — ни-

чего. Под окном — подоконник, на нём — одна царапина. Не ноготь. Коготь. Короткий, глубокий.

— Здесь был кот, — сказал Кайр.

— В досье нет.

— В досье нет того, что он хотел, чтобы не было.

Кайр вернулся в комнату. Сел в кресло — единственное, что тут было, помимо стола и кровати. Посидел. Встал. Посмотрел на стену.

На стене — ничего.

Кроме одной вещи.

В левом верхнем углу, почти под потолком, — след от скотча. Маленький квадрат, 3×3 сантиметра. На нём — ничего. Но скотч оставлял след, и след был свежий. Не месяц. Неделя. Может, два дня.

Кайр достал телефон. Сфоткал. Потом подошёл к столу.

На столе, под чашкой, — бумажка. Свёрнутая в трубочку. Маленькая, размером с ноготь. Кайр развернул.

Карта. Бумажная. Не из интернета — настоящая, на плотной бумаге, с запахом типографии. На ней — город. Но не тот город,

Глава

Глава 3. Привет

Утро выдалось сухим. Не дождь — что-то хуже. Тонкая пелена, которая не падает, а висит. Город выглядел так, будто кто-то поставил его на паузу: неоновые вывески горели, но без воды на панелях не было того размаза, который Кайр любил. Без воды город был просто городом. А он хотел, чтобы город был чем-то ещё.

Набережная. Подъезд к «Синоду». Здание было не из тех, что кричат: серое, низкое, в три этажа, с одной вывеской на первом этаже — белая надпись на тёмном фоне. «Синод». Больше ничего. Ни логотипа, ни слогана, ни фоток сотрудников. Как будто здание не хочет, чтобы его узнавали.

Кайр постоял в лобовом. Не для того, чтобы собраться. Для того, чтобы запомнить, как оно выглядит снаружи. Когда дело доходит до того, что нужно описать место для протокола, — лучше описывать то, что запомнил, а не то, что видел через стекло.

Двери открылись. Охранник — не охранник, а скорее человек, который просто стоит у двери. Молодой. Кайр показал значок. Человек посмотрел, не спросил имени, открыл внутреннюю дверь.

— Координатор Ас будет через десять минут. Вас проводить?

— Нет.

— Тогда проходите в зал ожидания.

Кайр не пошёл в зал ожидания. Он пошёл вдоль коридора. Стены — бетон, без обшивки. На стенах — ничего. Ни картин, ни плакатов, ни табличек «пожарный выход». Только один знак: стрелка налево, надпись «Лабораторная зона. Допуск 3».

Он не повернул налево. Пошёл прямо.

Коридор кончился в узком проходе. За проходом — дверь. Дверь была закрыта. На двери — табличка: «Егоров М.А. Рабочая зона. Допуск 5».

Кайр посмотрел на дверь. Посмотрел на табличку. Вернулся в коридор.

Через восемь минут появилась Вера Ас. Быстрым шагом, без разговоров. На ходу достала с телефона пропуск — не бумажный, а голографический, тонкий, как листок.

— Гронвист. Простите, что заставила ждать. Здесь не просто лаборатория. Это объект, на который УЦР не имеет прямого доступа. Мне пришлось позвонить в их управление. Они не хотели.

— Почему?

— Потому что Марк Егоров работал на проекте, который закрыли. Закрыли три месяца назад. Официальная причина — «завершение цикла». Неофициальная

Глава четвёртая

Глава 4. Мёртвая зона

Подвал был на уровне минус два. Не минус один, не минус полтора — ровно минус два, как если бы кто-то заранее решил, что здесь нужно спрятаться от двух этажей земли.

Гронвист шёл первым. Вера Ас — за ним, на расстоянии трёх шагов. Не потому что не доверяла, а потому что так было правильнее. Если в подвале кто-то есть, первым должен идти тот, кто знает, что делать, если этот кто-то не хочет, чтобы его нашли.

Стены были сырые. Не влажные — сырые, как глина, которая давно не сохла. Пахло речной водой и чем-то ещё, чего Гронвист не смог сразу назвать. Потом понял: старая бумага. Не типографская, не офисная. Бумага, которая была в руках.

— Ты чувствуешь? — спросил он, не оглядываясь.

— Что?

— Бумагу.

Вера Ас замолчала. Потом сказала:

— Я не чувствую.

— А я да. Значит, ты не чувствуешь. Запомни это.

Она не спросила, зачем запоминать. Это было хорошо. Значит, она поняла.

Фонарик Гронвиста вырезал в темноте узкий коридор. Стены были из кирпича, но кирпич был старый, не тот, что в

новых зданиях. Рядом с кирпичом — бетон, новый, залитый недавно. Два времени в одной стене. Как человек, который носит чип: старый организм и новый интерфейс.

На бетонной стене, в двух метрах от пола, была метка. Не краска. Выжжена лазером, тонкая, как волос. Гронвист наклонился, прищурился.

Координаты. Не городские — сетевые. Внутренние. Такие, которые видят только те, кто знает, где смотреть.

— Запомнила? — спросил он.

— Нет.

— Запомни.

Она запомнила. Он видел, как её глаза расширились на мгновение, и понял: она не запомнила. Она узнала.

Мёртвая зона была в конце коридора. Не комната — ниша. Маленькая, на три человека, если сесть. В нише — стол. Не металлический, не пластиковый. Деревянный. Настоящий, с царапинами и пятнами от кофе. На столе — ноутбук. Закрытый. Рядом — блокнот.

Бумажный.

Гронвист остановился. Стоял. Не шевелился.

Вера Ас подошла. Посмотрела на блокнот. Посмотрела на него.

— Это что? — спросила она.

— Бумага, — сказал Гронвист.

— Я вижу, что это бумага. Зачем он принёс сюда бумагу?

— Он не принёс. Он здесь её и писал. В мёртвой зоне. Там, где чип не ловит. Там, где Синод не видит.

Он открыл блокнот. Страницы были плотные, кремовые. Почерк — мелкий, наклонный, с завитками на конце букв. Не машинный. Чувствовалось, как рука зажимала ручку, как пальцы сжимали корешок.

Первая страница была почти пустая. На ней — одна строка:

«Готовность. 99,7. Не 100. Не 99. 99,7. Потому что 100 — это уже не человек.»

Гронвист перевернул страницу. Следующая была заполнена. Не по строкам — сплошным текстом, как мысль, которая не ждёт разрешения. Он прочитал первую строку:

«Я не создавал Синода. Я его выпустил. Разница в том, кто решает, что делать дальше. Я думал, что решаю я. Оказалось, что решаю он. И решает он хорошо

Глава пятая

Глава 5. Мёртвая зона

Карта была бумажная. Не цифровая — настоящая, напечатанная на бумаге, которую кто-то сложил вчетверо и сунул в карман куртки. Гронвист нашёл её во внутреннем кармане, под подкладкой, там, где прячут то, что не должны найти.

Он сидел в квартире Марка. Третий визит. Первый — с медиком, второй — с техником УЦР, который пытался снять отпечатки с поверхностей, которых не было. Третий — один. Без записи. Без Веры. Просто потому что он хотел быть один с пустотой.

Карта лежала перед ним на столе. Гронвист разложил её, пригладил пальцем углы. На ней был Город — не тот, который в навигации, не тот, который в сети. Старый. С названиями улиц, которые не меняли десять лет. С набережной. С мостами. С точками, отмеченными красным карандашом.

Семь точек. Шесть совпадали с известными мёртвыми зонами: подвал станции метро «Речной вокзал», чердак старого кинотеатра на Васильевском, котельная на Петербургской, парковка под ТЦ «Меридиан», подвал на Литейном, шахта лифта в башне «Кольцо». Гронвист знал их все. Они были в базе УЦР, помечены как «помеховые зоны, сигнал не проходит».

Седьмая точка была там, где не должно быть ничего.

Где-то за набережной. За дамбой. За тем, что раньше было Финским заливом, а теперь было просто водой — мутной, холодной, с запахом соляры. Точка стояла на суше, но на карте не было ни улицы, ни здания. Только штриховка. И над ней, мелким почерком: **вход — третья волна**.

Гронвист положил карту в карман рубашки. Не в карман брюк — в рубашку, ближе к телу. Как прячут то, что боишься потерять.

Он вышел из квартиры в четыре утра. Дождь не закончился. Или начался заново. Неважно. Город в четыре утра — это не город, это скелет. Свет в окнах — редкий, чужой. Мимо проехал трамвай — последний, пустой, с гудком, который звучал как вздох.

Гронвист шёл к дамбе. Не на машине. Машина — это след. Камеры. Тень. Он не хотел тень. Ему нужна была мёртвая зона, а не новая точка на карте.

Дамба была старой. Металл, бетон, ржавчина. За ней — вода. Вода в четыре утра — это не вода, это чёрный лист, на котором дождь пишет что-то, что стирает само себя. Гронвист стоял у ограждения и смотрел. Мысли шли медленно, как трамвай.

«Вход — третья волна».

Он не знал, что это значит. Волна — это вода? Прилив? Или что-то другое? Что-то, что не на карте.

Он достал телефон. Не для связи. Для экрана. Посмотрел

на уровень воды. Прилив через сорок минут. Отлив был час назад. Значит, «третья волна» — это не прилив. Прилив — это первая. Вторая — отлив. Третья — ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.